

УДК 930.1(571.13)

Н.Г. Суворова¹

**Колонизация Азиатской России
в проектах позднеимперских и раннесоветских экспертов:
казус Н.А. Сборовского**

Аннотация: Работа предполагает сопоставление колониционных проектов позднеимперских и раннесоветских экспертов. В условиях революций и Гражданской войны ряд экспертов в сфере переселения и колонизации под давлением властей или по собственному выбору продолжили свое участие в колониционных практиках либо в качестве чиновников нового переселенческого аппарата, либо – научных и педагогических кадров. Сборовский - яркий представитель группы колониционных экспертов, которую объединяет участие в разработке и реализации проектов по заселению и освоению Сибири позднеимперского и раннесоветского периодов. Начиная свою «сибирскую» карьеру как сотрудник при экспедиции Ф. Щербины по исследованию степных областей, корреспондент «Степного края», в 20 – 30 гг. он становится организатором и одним из руководителей научно-исследовательского и образовательного центра по колонизации Сибири. Личный фонд Н.А. Сборовского содержит уникальные документы по истории колониционного дела России.

Ключевые слова: колонизация, эксперты, колониционные проекты, Азиатская Россия

Группа колониционных экспертов формируется в условиях массового переселенческого движения в рамках научно-исследовательской и практической (от аграрной до административной) деятельности переселенческих структур Российской империи. Образование (уровень и качество), стиль поведения, этические и частично общественно-политические ценности объединяли людей различных статусов (чиновники, ученые, общественно-политические деятели) в рамках общего «живого переселенческого дела».

В отечественной исторической науке вклад представителей этой «переходной» группы экспертов в разработку и реализацию колониционных программ государства остается не вполне изученным. Колониционные эксперты, по вполне очевидным причинам, не конкурировали с «настоящими героями былых времен», как со стороны «красных», так и «белых». Соответственно, имея неоднозначную, зачастую противоречивую или отрицательную репутацию бюрократов, бывших имперских чиновников, «бывших людей», «старых специалистов», «советской интеллигенции», колониционные эксперты чаще критиковались с разных позиций и крайне редко интересовали исследователей как особая группа, сохранявшая свои черты в условиях глобальных социальных катаклизмов. Закрепляя и абсолютизируя ситуацию конфликта, противопоставляя государство и общество в целом (и частные проявления этого конфликта, например, властные институты /

¹ Суворова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета (Омск), sng19911@gmail.com

партийные организации и интеллигенция) исследователи вполне закономерно сосредотачивали свои усилия на обоснование, оправдание правительственного курса, «обобщение «исторических успехов в этой борьбе»².

Даже отходя от однозначно классового подхода к изучению интеллигенции, как классового врага, исследователи постсоветского периода отдавали предпочтение сюжетам участия «буржуазных ученых» в колхозно-совхозном строительстве или политическим аспектам взаимодействия партийных органов³. Под влиянием источниковой базы, а также сохраняя преемственность с исследованиями в жанре «история КПСС», в паре «власть – интеллигенция» большее внимания доставалось четко зафиксированной в законодательстве дискриминационной политике государства, институциональным и партийно-политическим аспектам, например, большевизации⁴. Обращение к социокультурным, психологическим характеристикам новой советской интеллигенции предполагало выявление «жизненных ориентиров и поведенческих стереотипов», формирующихся в результате давления со стороны властей.

Кроме того, в современной отечественной историографии сохраняется сложившаяся в период становления новой советской науки традиция строгого разделения дореволюционного и советского этапов переселенческой политики. Хотя неоднократно отмечались элементы преемственности дореволюционного и раннесоветского этапа переселенческого дела, тем не менее, преодоление институциональных границ научных коллективов, школ, тематики исследования происходит довольно редко⁵. В связи с этим колонизационные проекты конца XIX и начала XX в., зачастую созданные одними и теми же экспертами, оказывались разорванными исследователями территориально и хронологически⁶. Особенно очевидно это становится при обращении к одному из исследовательских и административных колонизационных центров Азиатской России – Омску, не только сохра-

² См. развернутый историографический обзор: *Гайдамакин А.В.* Формирование аграрной интеллигенции в Западной Сибири, 1927 – 1937 гг.: Политический аспект: Автореф. дис. д.и.н. Омск, 1998.

³ *Главацкий М.Е.* Историография формирования интеллигенции СССР в переходный период. Свердловск, 1987; *Красильников С.А.* Формирование советской интеллигенции Сибири в переходный от капитализма к социализму период: Уч. пособие. Новосибирск, 1987; *Соскин В.Л.* Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989.

⁴ Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920 – 30-е гг.: Сб. научных трудов. Новосибирск, 1994.

⁵ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / *Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М.* и др. Новосибирск, 2015. 298 с.

⁶ *Волошинова И.В.* Переселенческая политика советского государства в 1920 – 1930-е годы в отечественной историографии: Дисс. ...к.и.н. СПб., 2002

нявшему свой статус на протяжении всего рассматриваемого периода, но и укреплявшему его благодаря высшему сельскохозяйственному учебному заведению (СИСХ, СИСХиП, Сибака).

Одним из факторов, способствовавших формированию колониционных экспертов, как особой группы стали преобразования в сфере образования, в частности открытие низших, средних сельскохозяйственных учебных заведений (земледельческие, землемерные, садоводческие, сельскохозяйственно-технические) и укрепление высшего специального образования (подготовка агрономов, ветеринаров, межевщиков, топографов, лесников). Появление таких учебных заведений как Петровско-Разумовская земледельческая и лесная академия, Межевой институт было необходимо для подготовки специалистов в аграрной сфере, распространения новых, более совершенных методов в сельскохозяйственном производстве⁷. Однако большинство выпускников, хотя и служили по специальности, но работали в статистических учреждениях, земствах, кредитных товариществах, либо заполняли вакантные должности в волостной и сельской администрации. Становление разветвленной переселенческой организации, престижность этого «молодого и мобильного» ведомства создавало дополнительные вакансии для специалистов в центре и на местах. Специальное агрономическое или лесное образование, как правило, являлось начальной ступенью для дальнейшего российского или заграничного обучения и формирования аграрного специалиста⁸.

Разработкой колониционных проектов, в частности обоснованием направлений и характера колониционных мероприятий на азиатских окраинах наряду с чиновниками («мундирными учеными»), занимались общественно-политические деятели и ученые. Переселенческому управлению империи удалось задействовать значительное число научных экспертов, в том числе и за счет привлечения политических ссыльных и «неблагонадежных» лиц, которые обеспечивали трансляцию не только профессиональных знаний, но и нового языка описания социальных и национальных процессов, стремились внедрить в правительственные документы элементы либеральных, демократических, и даже социалистических программ. Именно эти люди внушили властям, что научное знание сможет обеспечить бесконфликтное и рациональное решение земельного вопроса. Высокий авторитет науки и вера в непреложность точных фактов, статистически подкрепленных моделей, делали научно-исследовательские изыскания российских ученых, чиновников, общественно-политических деятелей основой для внедряемых колониционных практик. Н.М.

⁷ Есикова М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX в. - 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С. 150.

⁸ ГИАОО. Ф. 492. Оп. 1. Д. 3. Переписка с автобиографиями о вновь приглашенных преподавателях.

Ядринцев писал, характеризуя эту ситуацию: «Это было время, когда администрация и бюрократия охотно прибегали к помощи писателей, ученых, исследователей. Воздух канцелярии, как бы вентилировался доступом свежего воздуха и независимого взгляда»⁹. Административные и правовые решения, исходящих только из государственных, стратегических задач, без учета хозяйственных интересов населения, без опоры на научный фундамент характеризовались в прессе, как «безжизненные» и «кабинетные»¹⁰. Даже наличие богатого имперского опыта управления окраинными территориями и скрупулезно собираемые канцелярские сведения, по мнению экспертов, не спасали официальные программы от утопичности и формализма¹¹. Роль экспертов поэтому виделась не только в сборе сведений о колонизируемых территориях, но и в создании новых классификаций населения, сценариев и механизмов хозяйственной, социокультурной интеграции, обрусения присоединенных территорий и населения¹². Научные экспедиции, специальные исследовательские программы, составленные по инициативе центральной или местной администрации должны были выяснить экономический потенциал региона, меры по его обороне, наметить направления хозяйственного освоения, перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, выстроить стратегию управленческого поведения в отношении коренных народов с учетом их социокультурной специфики. В качестве экспертов, обсуждающих имперские проблемы на страницах журналов и газет, а нередко и в закрытых правительственных совещаниях и комиссиях, часто можно видеть ведущих российских ученых, которые осуществляли интеллектуальный транзит достижений западной политической и экономической науки и практики, определяя различные варианты видения Азиатских окраин.

Переселенческие чиновники и сотрудничавшие с ними лица, совместно действуя в научных и просветительских обществах, а также в инициированных правительством экспедициях по изучению географических, хозяйственных и демографических условий колонизации, формировали новую общественную среду со своим особым этосом, что могло отдалить их от местного полицейско-административного аппарата, помочь интегрироваться, хотя бы некоторым, в общий поток интеллигенции. Новые стандарты поведения с одной стороны задавались высшими управленцами переселенческого ведомства, а с дру-

⁹ Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 328.

¹⁰ Остафьев В. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Императорского Географического общества. Кн. XVIII. Вып. 1 – 2. Омск, 1895. С. 10.

¹¹ Чиркин Г. Землеотводное дело в Киргизской степи и необходимость землеустройства киргиз // Вопросы колонизации. № 3. С. 71.

¹² Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860 – 1940. М., 2010.

гой – закреплялись демократическими слоями местных переселенческих учреждений. «Совсем маленькое и «черносошное» переселенческое делопроизводство», ютившееся «в одном из самых захудалых уголков министерства внутренних дел» с момента своего создания позиционировало специфику своей деятельности, «небюрократический» характер, а также особый стиль руководства¹³. В Переселенческом управлении вопросы политические уходили на второй план, а на первом были меры по переезду и устройству крестьян на новом месте, поэтому в этом деле «могли не ссорясь, сотрудничать и правые и левые, оставив в стороне свои собственные политические взгляды и убеждения»¹⁴. Их объединяли не политические ценности или ведомственные интересы, но «горячая любовь к родине и порученному им делу, абсолютная деловая честность», «чрезмерная» нравственная щепетильность¹⁵. Эти качества В.Ф. Романов назвал «наивным «романтизмом» старорежимных чиновников. Вопреки духу времени они стремились не к политической, а скорее к профессиональной консолидации, «работая над живым делом научными методами»¹⁶. Ссылный народоволец, статистик, чиновник Омской контрольной палаты Н.Я. Коншин, выражая настроения поколения писал: «Нашим «Богом» сделался народ или точнее, крестьянство, которое мы идеализировали; «религией» стало будущее служение этому народу, теперь темному и забитому, но способному совершить великие перемены в мире»¹⁷.

Наблюдатели извне – общественные эксперты также зафиксировали это особое небюрократическое отношение к народу в среде переселенческих чиновников. Г.И. Успенский, знакомясь с переселенческим движением в Сибирь по заданию «Русских ведомостей», наряду с чиновниками – бюрократами, занятыми исключительно собственными делами, выделил переселенных, делающих дело «вполне по человечески, без малейшей тени благотворительной фальши и, тем не менее, без канцелярщины и пустой формалистики»¹⁸. В очерках Успенского появляется достаточно редкий для народнической литературы образ «чиновника для народа»: без формальностей и фальши, делающего дело даже при отсутствии документов, в обход существующих инструкций и правил. Успенский увидел в переселенческом чиновнике практически идеальное воплощение промыслов «культурного

¹³ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 124.

¹⁴ *Татищев А.А.* Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906 - 1921). М., 2001. С. 138.

¹⁵ *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874 – 1920. СПб., 2012. С. 154.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Коншин Н.Я.* Из пережитого (Воспоминания народовольца) // Краеведы Восточного Казахстана. Коншин Николай Яковлевич. 1864-1937. К 145-летию со дня рождения. Усть-Каменогорск, 2009. С. 20.

¹⁸ *Успенский Г.И.* Поездки к переселенцам: [Электронный ресурс]: URL: http://az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0530.shtml

человека», поскольку он мог бескорыстно реализовать свои лучшие человеческие качества, мог помогать нуждающимся не со снисходительностью и превосходством барина, а чувствуя близость и сопричастность в таком человеке. «И я с великим удовольствием могу сказать, - фиксирует Успенский, - что собственными глазами видел, что отношения людей, заведующих таким большим народным делом, вполне соответствуют ему. Дело делается по-человечески, то есть именно так, как оно должно бы делаться также и там, в глубине России»¹⁹.

В условиях традиционной для азиатских окраин бедности профессиональных кадров, местные переселенческие учреждения пополнялись не вполне благонадежными с точки зрения государства служащими, в том числе политическими оппонентами, административно ссыльными. В анонимном доносе министру земледелия и государственных имуществ в 1906 г. отмечалось, что «местная переселенческая организация не может считаться в политическом отношении вполне благонадежной, так как в ее среде есть, безусловно, лица, политически весьма подозрительные»²⁰. Подробно характеризуя личный состав переселенческой канцелярии, доноситель пришел к неутешительному выводу, что это и «не канцелярия, а сброд всевозможных гадко-пошлых людей, социалистов революционеров, гнездо змеиное, грозящее всем не примыкающим к их партии»²¹. Руководители переселенческого ведомства по мере возможности отстаивали свои и без того незначительные кадры перед департаментом полиции и оправдывали их политическую неблагонадежность профессионализмом и бескорыстностью. «Масса работников, особенно землемеров и агрономов, работала идейно, часто была не благонадежна политически, справедливо и не справедливо будировала против центра, страдала утопической мечтательностью, как большинство средней провинциальной интеллигенции, но на службу не смотрела как на средство наживы»²². Конкретизировать эту ситуацию можно упоминая таких переселенческих деятелей, как Н.Я. Новомбергский, Н.П. Огановский, К. Кочаровский, Л.К. Чермак, О.А. Шкапский, Н.А. Сборовский. Общим в их служебной биографии был предрасудительный политический формуляр. Л.К. Чермак – ссыльный социалист-революционер, участник экспедиции по исследованию Степных областей, экономист и земский стати-

¹⁹ Там же.

²⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций. Л. 79.

²¹ Там же. Л. 81.

²² Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874 – 1920. СПб., 2012. С. 155.

стик²³. Глава Семиреченской изыскательной партии О.А. Шкапский - бывший народоведец, ссыльный, отказывался выполнять распоряжения генерал-губернатора и военного губернатора, в частности увольнять неблагонадежных сотрудников партии. Поскольку администрация, по мнению Шкапского, не могла оказывать влияние на личный состав партии, так как партия не являлась губернским учреждением. Местную администрацию тревожило, что имея возможности «бесконтрольного соприкосновения, как с туземным, так и с русским населением области», разъезжая «по своему усмотрению по огромным пространствам области», члены изыскательной партии могли заниматься противоправительственной пропагандой. В 1905 г. помощником Шкапского по изыскательной партии числился Л. Рум – распространитель «преступных листов» и исполнитель «противоправительственных песен», бывший учитель Глебов проходил по сведениям Военного губернатора, как «один из главных агитаторов среди населения Пишпека ... возбуждавший недовольство жителей на аграрной почве»²⁴. Менее известный персонаж - Н.А. Сборовский - экономист, статистик, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», сотрудник экспедиции по исследованию Степных областей, старший производитель работ Томского переселенческого управления, действительный член ЗСОИРГО и ООМИОСХ²⁵.

Такой кадровый подбор в переселенческом ведомстве порождает особые миграционные сценарии, региональный аспект которых демонстрировал возможности не только конфликта, но и сотрудничества самых разных акторов: от имперских центральных и местных бюрократических структур, новых администраторов в виде переселенческих чиновников, окрыленных возможностями реализации «живого дела», ученых, рекрутируемых как из академической среды, аграрной науки, общественных активистов, так и из числа политических ссыльных и лиц, находящихся под надзором полиции, а также лидеров регионального («сибирского областничества») и национального (казахского) движений.

²³ Кадиков Э.Р. Экспедиция по исследованию Степных областей в воспоминаниях Л.К. Чермака // Колонизация Азиатской России (XIX – начала XX вв.): институции и практики: материалы региональной научной конференции (Омск, 24 – 25 декабря 2013 г.). Омск, 2013. С. 55 – 80.

²⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 279. Л. 21 – 22.

²⁵ ГИАОО. ф. 2668 (Н.А. Сборовский), оп. 1, д. 1, л. 14 – 151; Милиценко О.А. Вклад Н.А. Сборовского в исследование колонизации и переселения в Сибири // История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени: сборник статей и материалов к международной конференции. Вып. IV. (Памяти Николая Александровича Сборовского. К 15-летию гуманитарного факультета ОмГАУ). Омск, 2010.

Составляя костяк местных переселенческих организаций эти, преимущественно, политические оппоненты официальной власти предлагали администрации не вполне имперский, но по большей части социальный или народнический (вплоть до социалистического) языки описания колонизационных процессов. Итальянский исследователь А. Масозеро, характеризуя их взгляды отмечает: «В определённой степени, молодые увлечённые чиновники-колонизаторы разделяли «анти-феодальный» настрой в ленинском смысле этого слова. Их настроения были «демократическими» в той степени, в которой это означало неприятие привилегированного и паразитического присвоения общественных ресурсов»²⁶. Интересно, что периодически обостряющиеся национальные вопросы империи, формирующийся русский национализм, нашли весьма слабое отражение даже в среде профессиональных переселенческих чиновников. Используя нехарактерную для правительственного дискурса риторику, эксперты, тем не менее, приходили к вполне приемлемым сначала для имперских, а потом и советских чиновников выводам о прогрессивности и закономерности российской колонизации Сибири.

Обострение национальных вопросов на имперских окраинах (прежде всего, западных), а также формирование собственно русского национализма в незначительной степени скорректировало социально-экономический, цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и «мир дикости», пространство богатых и бедных стало усложняться, наполняясь новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными характеристиками. Рассуждения экспертов об интеграции новых территорий, их освоении неизбежно приводило их к конструированию образа русского крестьянина как образцовой модели для дальнейшей его трансляции в «чуждую» инородческую среду. Русская крестьянская модель в данном случае выступала как типичный цивилизаторский, но не национальный проект, с учетом наличия еще более низкого уровня – инородческого, главным проявлением которого являлся кочевой образ жизни. Культурная дистанция между российскими переселенцами и местными народами имела не столько этническую, но культурную, точнее хозяйственную границу²⁷.

Наряду с традиционной цивилизаторской лексикой в проектах конца XIX – начала XX в. можно отметить и нехарактерные прежде, по крайней мере, для чиновничьего дискурса народнические интонации и обороты. В докладной записке младшего чиновника по

²⁶ Масозеро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных трудов. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 356.

²⁷ Эткин Д., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 11.

особым поручением, «мундирного ученого» Н.Н. Балкашина цивилизация кочевников через тесные контакты с русскими земледельцами была охарактеризована, как наиболее перспективная политика империи. Кочевой быт характеризовался как отсталый, костный, неустойчивый, «чуждый правильной оседлости и рационального хозяйства». При этом признавалось возможным, хотя и в весьма отдаленной перспективе, «самобытное достижение высшей цивилизации» кочевниками, причем «киргизской цивилизации», что указывает на очевидное влияние народнической идеологии. В проектах западно-сибирской администрации 70 – 80-х гг. XIX в. отстаивалась необходимость развития в степном крае земледелия не только русских крестьян-переселенцев, но и казахов. Аргументация подобной перспективы имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение в «добрых пахарей» казахов позволит им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков, и, будет способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае, идеальной конструкцией представлялась русская община, которая в планах чиновников выступала не только уравнительным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена.

В конце XIX – начале XX в. под влиянием критики сословного строя в общественных науках получают популярность социальные теории, предлагающие новые, более прогрессивные социальные классификации, в том числе классовые. «Общественные классы» группировались по общности социально-экономических критериев, в том числе, роду занятий, образованию, величине дохода, влиянию в обществе. В отличие от социально-правовых групп классовые общности не фиксировались законодательно, но, как и сословные группы могли осознавать свое внутреннее единство (обладать самоидентичностью) и иметь общие представления о других группах (перекрестная идентичность)²⁸. Главное преимущество новых классификаций, перед сословной стратификацией – в равенстве прав и обязанностей перед законом всех членов общества, в возможностях социальной мобильности ограниченной только личными качествами. Такая демократическая схема, направленная на преодоление самых различных (феодално-аристократических, сословных, национальных) видов неравенства была особенно близка левонастроенной, русской интеллигенции.

Переселенческое общество, возникающее на российских окраинах, слабо вписывалось в традиционную сословную сетку, не сливаясь даже с рыхлой и аморфной категорией

²⁸ Филатова Е. Эволюция понятий «сословие» и «класс» в России 19 в. // Гістарычны альманах. 2004. Т. 9.

сельских обывателей. На стыке еще неустоявшихся старожильческих и инородческих групп научные эксперты конструировали новые категории, например, «степных обывателей». Новые категории / группы объясняли не только происхождение, хозяйственное и культурное разнообразие, но моделировали их дальнейшее развитие (в зависимости от используемого народнического, цивилизационного или др. дискурса). Наиболее распространенный вариант, свидетельствующий о переходе от цивилизационных моделей (оседлые, кочевые, бродячие; крестьяне, инородцы) к социальным – это распределение населения по размерам имущества, в частности земельных наделов. Нормы наделов (или нормы земельного обеспечения) отражали не только социально-экономическую ситуацию окраин, но и авторские представления о перспективах развития земледельческого и кочевого хозяйства. Научное исследование в этом направлении имело не только практическое значение, но и серьезные социальные последствия. У «признанного и строгого критика старого переселения» А.А. Кауфмана главным критерием классификации переселенцев определяется комплексный имущественный критерий: обеспеченность рабочим скотом, КРС, сельскохозяйственными орудиями, размеры земельных участков, посевов²⁹. «Кадр живой человеческой силы»: туземцы, русские пришлые оцениваются количественно в душах обоего пола и обеспеченности десятинами земли, рублями товарной сельскохозяйственной продукции. Традиционное упоминание мест выхода переселенцев, например, по губерниям давало лишь еще одну количественную характеристику обеспеченности землей³⁰. Экономические характеристики и градации переселенческого, старожильческого и инородческого хозяйств не исключали, хотя и в очень редких случаях дополнялись национальными, психологическими чертами³¹.

Исследованием старожильческой общины Сибири активно занимались ссыльные народники, удовлетворяя собственные научные интересы и одновременно решая кадровую проблему местных отделов ИРГО. Летом и зимой 1884 – 1885 гг. по заданию ЗСО ИРГО ссыльным С.Л. Чудновским были проведены две экспедиции на территории

²⁹ Кауфман А.А. Переселенцы на новых местах // Община. Переселение. Статистика. М., 1915. С. 299 – 320.

³⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация: Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. М., 2012. С. 161 – 165.

³¹ Суворова Н.Г. Этнографическая выставка В.Л. Дедлова: новый образ российского переселенца на сибирской окраине // Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М., 2008. С. 189 – 199.

Бийского уезда³². При заинтересованном отношении Томской администрации исследователю удалось привлечь материалы не только личных опросов, проводимых на сходах, но и волостное делопроизводство, архивы волостных правлений. В рамках похожего, комплексного подхода изучал крестьянскую общину известный статист и общественно-политический деятель, и классический имперский эксперт - Ф.А. Щербина³³. Задачей экспедиции под руководством Ф.А. Щербины было изучение казахского землепользования, определения земельных норм для полукочевого и кочевого хозяйства и, так называемых «излишков» для переселенческого фонда. По результатам работы экспедиции было подготовлено 13-ти томное издание: «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей»³⁴. Обработкой материалов экспедиции Ф. Щербина занимался у себя в имении в Кубанской области, находясь под гласным надзором полиции³⁵. За выступление на первом заседании уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. товарищ МВД Зиновьев предложил отстранить Щербину от важных государственных поручений. Однако, «враждебное отношение к существующему государственному и общественному строю» и даже противоправительственная деятельность не заставили переселенческое ведомство отказаться от услуг эксперта. Напротив, признавалось, что отстранение его от должности «грозит весьма серьезными затруднениями для сказанного государственного дела», замедлением работ и снижением их качества. Министр Земледелия и государственных имуществ отметил, что Щербина в качестве руководителя исследований не показывал поводов для подозрения, а нарекания в его адрес были вызваны его чрезмерным усердием и пристрастием к делу «русской колонизации, жертвуя этой цели, законными нуждами киргизского населения»³⁶.

Изучив формы общинных поселений русского крестьянства, факторы, влияющие на их эволюцию, общинные институты, Ф. Щербине удалось свои теоретические воззрения реализовать в широкомасштабном проекте по исследованию кочевых хозяйств Степного края. Он доказывал, что земельная община является фундаментом, на котором стро-

³² Якимова И.А. С.Л. Чудновский о крестьянской общине Алтая во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 109.

³³ Щербина Ф. Русская земельная община // Русская мысль. 1880. Кн. V. С. 6.

³⁴ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Вып. 1 – 13. Воронеж, Омск, 1898 – 1905.

³⁵ РГИА. Ф. 391. Оп.1. Д. 802. Об участии в политической деятельности чиновников степных областей и Иркутской губернии Щербины, Ушакова, Чермака и др. 1902 – 1905 гг.

³⁶ Там же. Л. 8 об.

яется административно-хозяйственная, духовная и общественная жизнь крестьянского общества. Эта идея была положена в основу оригинальной методики изучения сельского общества. А.А. Кауфман, не разделяя самой идеи, признавал методику и, проведенные с ее помощью исследования кочевых хозяйств Степного края безукоризненными³⁷. Материалы экспедиции Щербины помимо статистических данных даже на уровне терминологии определяли перспективы развития кочевого хозяйства. Вполне осознанно и оправданно, с точки зрения седентаризации кочевников и развития в крае крестьянского земледелия, в программе использовалась терминология, заимствованная из крестьянского общественного быта. Основной низовой ячейкой казахского общества, по аналогии с хозяйственной (поземельной) общиной крестьян назывался «одиночный киргизский аул» или аул хозяйственный. Эта «чисто хозяйственная поселочная форма» не имела еще административного значения и поэтому не имела особого наименования в законодательстве. Аул хозяйственный отличался от аула административного, состоящего из целого аульного сообщества или нескольких хозяйственных аулов, называемых «киргизской земельной общиной»³⁸.

Главной препятствующей стороной землеустройству и седентеризации кочевников в степных областях и Забайкалье эксперты объявляли местных богатеев и родовую аристократию. Сложные социально-экономические отношения местного кочевого инородческого общества в условиях массового переселения русских крестьян характеризовались оппозиционными экспертами по аналогии с российским вариантом феодализма, через противостояние помещиков и их зависимых - крепостных. По мнению исследователя О. Шкапского, меньшинство казахского общества, состоящее из потомков ханов и султанов, а также из представителей современной киргизской плутократии, желало приобрести вотчинные права на землю и превратиться в помещиков, ведущих крупное скотоводческое хозяйство на обширной территории киргизской степи»³⁹. При такой классификации местного общества, большинство инородческого кочевого населения вполне могло объединяться с русскими переселенцами против своих эксплуататоров родовой знати (или в других условиях, против старожилов)⁴⁰. «Переселенцу - пролетарию» земля достается, как и

³⁷ *Кауфман А.А.* Материалы по вопросу об организации работ по образованию переселенческих участков в Степной области (Из отчета старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Акмолинскую область летом 1987 г.). СПб., 1897

³⁸ *Конишин Н.* Хозяйственно-статистические исследования Степных областей // Семипалатинские областные ведомости. 1899. 30 января.

³⁹ *Шкапский О.* На рубеже переселенческого дела // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 134.

⁴⁰ *Татищев А.* Землеотводное дело по донесениям заведующих переселенческим делом в районах // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 252.

рядовому казаху после «предварительного тяжелого батраческого или арендного труда, для вящего удовольствия земельного буржуа сибиряка-старожила и кочевого феодала киргиза»⁴¹. Подобное сопоставление, уже само по себе задавало определенную программу, с очевидными для русской администрации «прогрессивными» задачами разрушения «феодально-крепостнического строя» с помощью русской колонизации. Это радикальное направление «степных экспертов» резко критиковало и местные власти, защищающие интересы аборигенов, и казахскую интеллигенцию, «нелепо опасующуюся безземелья и грядущего вымирания»⁴². Показательно, что социальный нарратив оказался внедренным и в официальные документы, где главную причину протеста казахов, видели именно в сохранении прослойки богатых и влиятельных родовичей, а также наличии у туземных обществ прежнего простора землепользования»⁴³.

Материалы экспедиции Ф. Щербины рассматривались переселенческими структурами, как научное обоснование для нормирования землеустроительных работ. Однако, практически в момент обнародования результатов экспедиционных работ, «исчисленные нормы» были признаны неудовлетворительными и «преувеличенно повышенными»⁴⁴. Это, тем не менее, не повлияло на характер взаимодействия переселенческих структур и исследователей. Намеченная программа создания переселенческих участков на землях казахов была обеспечена новым статистическим обоснованием (экспедиция 1909 – 1912 гг.), дающим существенное снижение искомой нормы.

Повторное обследование степных областей в 1907 - 1908 г., при сохранении прежнего плана, способа и приемов опроса населения, дает возможность экспертам подтвердить верность уже представленных социальных прогнозов. «Замечательный прогресс» хозяйства казахов выражался в расширении земледельческого сектора, росте количества скота, технических улучшениях обработки земли, уборке хлеба⁴⁵. Намеченные точки роста хозяйства означали начавшийся «общий прогресс хозяйства», следствием которого был рост благосостояния, сокращение количества мелких и бедных хозяйств при увеличении – средних и богатых. Очевидно, что данные социальные сдвиги в казахском обществе происходили под влиянием хозяйств русских переселенцев. Механизм этого влияния предполагал не просто заимствование новых хозяйственных форм у переселенцев, но и пе-

⁴¹ Успенский А.В. Действительность, а не мечты // Вопросы колонизации. СПб., 1908. № 2. С. 6.

⁴² Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // Вопросы колонизации. СПб., 1907. № 1. С. 60-62, 53 – 54.

⁴³ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 22-23.

⁴⁴ Ямзин И.Л., Воцинин В.П. Учение о колонизации и переселении. Л., 1926. С. 35.

⁴⁵ Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Т. 3. Петропавловский уезд. Повторное исследование 1908 г. СПб., 1910. с. VI – VII.

реход местного населения на новый уровень развития, выход его за пределы «вековой почвы примитивного быта». Эксперты характеризовали данную ситуацию как переходную от родового начала, «обреченных на окончательное исчезновение пережитков» к более прогрессивному устройству. К пережиткам отнесены родоначальники и, собственно, «кочевое хозяйство в чистом виде». Важно, что будущее степных территорий конструировалось экспертами и для русских, и для казахов уже общими социальными, хозяйственными, а не этническими категориями.

Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с земледелием, более зависимо от стихии природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли, включенных в земледельческий оборот назывались «культурной площадью» (возвращая тем самым понятию «культуры» первоначальное значение), а новый этап отношений с кочевниками этапом «культивизации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуртрегером-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека»⁴⁶.

Обязательным этапом научного освоения колонизируемой территории были естественнонаучные изыскания, которые создавали фундамент для «практических наук»⁴⁷. Почвенно-ботанические экспедиции по инициативе Переселенческого управления занимались, по мнению Г.К. Гинса, «чисто научным освещением естественных условий колонизационных районов»⁴⁸. Регулярные экспедиции по исследованию колонизационных районов Азиатской России, Сибири и Дальнего Востока проводились с 1908 г. до 1914 г. Во время войны продолжалась свodka добытых материалов для составления полной почвенной и ботанической карт Азиатской России⁴⁹. Научные исследования Переселенческого управления по направлениям и технологиям являлись продолжением экономико-статистических, почвенно-ботанических и санитарных исследований губернских и областных статистических комитетов, земских учреждений. Экспедиции, направляемые на колонизируемые окраины, как правило, пользовались ранее разработанными и апробирован-

⁴⁶ Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. № 7. С. 43.

⁴⁷ Федченко Б.А. Задачи ботанических исследований в новых колонизационных условиях // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 248 – 253; Велецкий С. Записки переселенческого чиновника. Очерки и заметки // Вопросы колонизации. 1908. № 3.

⁴⁸ Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и «выставка по переселенческому вопросу» // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 9.

⁴⁹ Предварительный общий обзор переселений и землеустройства за Уралом в 1914 г. // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 206.

ными программами⁵⁰. В качестве основных форм научно-просветительской деятельности Переселенческого управления можно отметить такие как разовые командировки чиновников особых поручений, долгосрочные экспедиции с привлечением научных и общественных организаций (ИРГО, Почвенная комиссия ВЭО, Императорский ботанический сад и др.); организация и участие в выставках, создание «научно обставленных рабочих кабинетов», музеев и библиотек. Признавалось, что научные знания требовались не только для выработки, принятия и реализации управленческих решений, но и для населения, поэтому оптимальным считалось сочетание «академической строгости» и «опытно-показательного» знания. Именно поэтому приветствовались «наглядные» формы знания, доступные не только для образованного общества, удобные для чиновников, но и для самого переселенца. Канцелярская тайна почти не распространялась на научные сведения о колонизируемых окраинах и, они из отчетов, проектов и записок, стали активно презентоваться в ведомственной и отраслевой периодике, монографических и коллективных изданиях. Буквально за десятилетие (от 80-х к 90-м) научные (в любой форме) сведения о сибирском крестьянстве, переселенцах, инородцах трансформировались из повествовательных текстов в достаточно сухие, формализованные, но при этом высокоинформативные тексты с многочисленными приложениями в виде статистических данных⁵¹.

Знаковыми чертами позднеимперской колонизационной ситуации на окраинах стали новые институциональные правила и формы организации взаимодействия «знания - власти», взаимодействие центральных и местных органов управления, имевших существенные различия во взглядах на темпы и формы крестьянского переселения, положение казачьего населения, на эффективность и конфликтный потенциал ускоренного разрушения кочевого социума, происходившего на фоне пробуждающегося национального самосознания казахов, сотрудничество чиновников и интеллигенции, а также появление новых каналов и механизмов общественного воздействия на общий политический курс колонизации, формирование местных институтов гражданского общества.

Период активной профессиональной деятельности колонизационных экспертов не ограничивается ни революциями, ни Гражданской войной. Более того можно отметить, что по мере, возвращения к мирной деятельности и провозглашения «восстановления народного хозяйства», новые правительства (антибольшевистские, а затем советское) воз-

⁵⁰ Велецкий С.Н. Земская статистика. Справочная книга. М., 1899. С. 13.

⁵¹ См. например: Материалы для изучения быта переселенцев водворенных в тобольскую губернию за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 год): печ. по распоряжению МВД. 1897. Т. 1 – 2. Подобный стиль использовался и в научных проектах, и в отчетах по командировкам чиновников особых поручений.

вращаются к прежним колониционным идеям, причем их реализация остается в руках прежних («старых») специалистов⁵².

О профессоре Омского института сельского хозяйства и лесоводства Н.А. Сборовском, его семье, плодотворной научной и организационной деятельности писали омские краеведы и, прежде всего, историки Сибаки⁵³. Участие Н.А. Сборовского в колониционном деле представлено в кратком, но весьма содержательном обзоре О.А. Милищенко⁵⁴. Ценность упомянутых исследований связана с привлечением автобиографических записок Н.А. Сборовского, в которых сам автор последовательно освещал свою трудовую биографию. Уникальность Н.А. Сборовского, как исследователя и организатора сибирской науки несомненна, но, очевидно, что возможны и необходимы более широкие контексты для понимания его роли в разработке и реализации колониционных программ государства. Кроме того, персональная история Сборовского, его карьерная биография нуждаются в сопоставлении, выявлении типичных черт представителя группы колониционных экспертов, советской аграрной интеллигенции поколения социальных катаклизмов⁵⁵.

Возможности таких научных изысканий предоставляет личный архив профессора Н.А. Сборовского, крайне редко используемый историками, даже изучающих историю Омского сельскохозяйственного института. Фонд Н.А. Сборовского содержит материалы не только личного происхождения (переписку, фотографии, черновые материалы рукописей, научные труды), но и уникальную подборку экспедиционных, картографических, ста-

⁵² *Моисеенко В.* Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 87 – 141; *Рышков В.М.* Переселение, колонизация, спасение голодающих: проекты и реализация переселенческой политики в первое послереволюционное пятилетие // Проекты освоения и развития Сибири в XX веке. Новосибирск, 2013. С. 108 – 137.

⁵³ *Казак Н.А.* Имя в истории края: Александр Александрович Сборовский // История Сибаки: [Электронный ресурс]: URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-146>; *Казак Н.А.* Научное и литературное наследие Н.А. Сборовского // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2010. С. 50-56; *Омарова З.А.* На переломе двух эпох: к биографии профессора ОмСХИ Н.А. Сборовского // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2010. С. 9-14.

⁵⁴ *Милищенко О.А.* Вклад Н.А. Сборовского в исследование колонизации и переселения в Сибири // «История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени: сборник статей и материалов к международной конференции. Вып. IV. Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2010. С. 6 – 11.

⁵⁵ Единственное упоминание Н.А. Сборовского, как типичного представителя экспертной группы по колониционным вопросам представлено в работе итальянского историка *Масоэро А.*: Колонизация в поздней имперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных трудов. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 340 – 365.

тистических, учебных, методических и финансовых документов, освещающих колонизационные программы и мероприятия на протяжении первой половины XX в.⁵⁶ Состав фонда объясняется включенностью автора в эти процессы, его ролью организатора, руководителя и активного участника важнейших научных и учебных площадок по подготовке переселенческих кадров, шире, «специалистов колонизации» – кафедр экономики переселения, организации и техники заселения, переселения и колонизации при землеустроительном факультете СибИСХЛ, курсов колонизационно-переселенческой организации, музея переселения при Сибирском институте организации территории.

Фонд содержит ряд опубликованных и неопубликованных исследований Н.А. Сборовского, практически не упоминаемых в современных работах по переселению, в которых представлены аналитические материалы по переселенческой политике, оценке эффективности колонизационных практик, проекты колонизации Сибири на перспективу до начала 40-х гг. XX в. Работы Н.А. Сборовского (перечисленные в списке рукописей и представленные в фонде: «Экономика переселения»; «Движение переселенцев и ходоков по Сибирской дороге в 1927-1931 г.»; «Размеры переселенческого потока с 1901 по 1931 г.»; «Эффективность хозяйственной деятельности переселения 1925-1928 гг.»; «Характеристика хозяйств самовольных переселенцев и переселенцев плановых»; «Подготовка кадров для крупных работ по переселению в Омском сельскохозяйственном институте»; «Колонизация Сибири и переселение» (1926 г.); а также опубликованные⁵⁷ позволяют существенно дополнить историографическую картину переселенческого и, шире, колонизационного вопроса 20-х гг. XX в. в основном представленную изданиями Госколонита. Черновые рукописные документы наглядно демонстрируют, как экспедиционные довоенные материалы даже не вписывались, а просто прилагались к советским проектам, не нарушая новых принципов советской плановой колонизации. Постоянно присутствующий в документах сравнительный контекст советской колонизации и переселенческого дела «старорежимной власти» позволяет говорить не только о преемственности позднеимперских и раннесоветских колонизационных проектов Азиатской России, но также скорректировать представления о содержательных элементах имперских программ.

Сложно сказать, насколько распространено было использование понятия «интеллигент» в отношении чиновников, но именно так «чиновник - интеллигент» определил ста-

⁵⁶ ГИАОО. Ф. 2668. Личный фонд Н.А. Сборовского.

⁵⁷ Праздников А.А., Сборовский Н.А., Шуман Н.К. Нарымский край: Сводка отчетных данных по обследованию в 1908 – 1909 гг. чинами Томской переселенческой организации левобережной по Оби части Нарымского края. Томск, 1910. 76 с.; Сборовский Н.А. Таёжный север. Нарымский край // Жизнь Сибири. 1926. № 1-7. С. 100-123.

тус автора, запрещенных МВД исследований по переселению Н.Я. Новомбергского его молодой коллега В.В. Птицын. В своей советской автобиографии Н.А. Сборовский, ломая представления о сословном прошлом и классовом настоящем, отмечал, что происходит из семьи потомственных русских интеллигентов. Духовное звание деда, чиновная карьера отца (в горном ведомстве дослужился до действительного статского советника) последовательно сочетались с преподавательской и научной работой. Уже А.А. Сборовский – отец Н.А., сотрудничал с ИРГО, составляя материалы для изучения горного дела в степных областях Западной Сибири⁵⁸. По стопам отца Н.А. поступает в Горный институт, а после вместе с отцом приезжает в Омск, где принимает активное участие в научно-исследовательской и общественно-политической жизни. С началом массового переселения административный столичный статус Омска подкрепляется ролью координационного, научно-исследовательского, образовательного и экспедиционного центра колонизации азиатских окраин. Город чиновников и военных, обывателей наполняется новой, общественно и политически активной публикой. При этом именно «переселенческие площадки», в виде учреждений государственной и общественной помощи крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственных и лесных складов, исследовательски экспедиций содействовали если не объединению, то совместной деятельности чиновников разных уровней и ведомств и интеллигенции, редко местной, провинциальной, чаще ссыльной. Учитывая общественно-политические взгляды Н.А. Сборовского, его участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», пропагандистскую активность, внушительный список арестов и приводов, то перспективы его деятельности были практически predetermined. Он становится корреспондентом «Степного края», сотрудником экспедиции по исследованию Степных областей, принимает участие в разработке статистических материалов «О движении землевладения в России». Опыт сотрудничества (работы корреспондентом, журналистом) пригодится в советской Сибири. В 1922 – 1928 гг. Сборовский участвует в создании и служит в качестве редактора известного ежемесячного научного журнала Сибревкома эпохи НЭПа «Жизнь Сибири». Предосудительный формуляр не мешает Н.А. Сборовскому принимать активное участие в экспедиционных и исследовательских работах (гидротехнических и горно-межевых), являться действительным членом ЗСОИРГО, ООМИОСХ, Общества Сибирских инженеров, руководить Сибирским обществом техников, а так же занимать официальные должности, например, производителя ра-

⁵⁸ Казак Н.А. Имя в истории края: Александр Александрович Сборовский // История Сибачи: [Электронный ресурс]: URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-146>

бот Томского переселенческого управления⁵⁹. За служебные заслуги и «за отличнo-усердный и ревностный труд» Сборовский был пожалован орденом Св. Станислава III степени и памятной бронзовой медалью в память 300-летия царствования дома Романовых.

Возможно, чрезмерная степень идеализации и высокий стиль не были в равной степени близки всем участникам переселенческого дела, но даже сугубые «технари» и «аграрии» воспринимали эту сферу деятельности, как героическую, творческую и идейную, требующую профессионализма, полной самоотдачи и альтруизма. В черновике некролога заведующего Томским переселенческим районом Н.К. Шумана, под руководством которого служил Сборовский, автор задается вопросом: как такие «люди делали «карьеру» при старом режиме?» Ответ гениален: «Очень просто: он придумывал большое дело, осуществлял его вполне самозабвенно, а потому успешно; а дело выросло и само вытягивало его на вид»⁶⁰. Сохранение этих качеств в условиях нового строя вполне подтверждается перепиской следующего поколения «переселенных», уже учеников (и впервые учениц) колонизационных экспертов⁶¹.

На позднеимперском этапе А.Н. Сборовского можно отнести к «молодому» поколению имперских экспертов, начинавших службу в ведомстве, к экспертам - практикам. Работа непосредственно на переселенческом участке в сочетании с активной общественно-политической позицией не позволяла реализовать эксперту Сборовскому свой научный потенциал. Критические, оппозиционные настроения по отношению к самодержавной власти, бюрократическому аппарату до революции сделали переход значительной части колонизационных экспертов на службу советской власти естественным.

Н.А. Сборовский – один из многих представителей российской интеллигенции, который сознательно идет на сотрудничество с советскими организациями, более того становится на непродолжительный период второй половины 20 – начала 30-х гг. организатором научных и учебных начинаний в колонизационной сфере Сибири. В 1926 г. Сборовского приглашают на руководство вновь создаваемой кафедры при Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства. С 1927 г. Н.А. Сборовский с семьёй проживает в Омске. В Сибирском институте сельского хозяйства и лесоводства Сборовскому по зачёту

⁵⁹ Казак Н.А. Научное и литературное наследие Н.А. Сборовского // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2010. С. 50-56.

⁶⁰ ГИАОО. Ф. 2668. Оп.1, Д. 172. Проект генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет с 1926 по 1941 г. Л. 35

⁶¹ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 231.

большого количества изданных научных и научно-популярных работ, а также массы рукописных и лекционных переработок было присвоено звание профессора.

В фонде Н.А. Сборовского представлены подготовительные материалы по организации временных курсов, переселенческого музея и кабинетов по отдельным дисциплинам переселенческого отделения землеустроительного факультета. В записке об организации Переселенческого отделения обоснована роль Омска в качестве центра разработки учения колонизации и подготовки переселенческих специалистов – «молодых колонизаторов», «сведущих в практике оперативных работ»⁶². Практико-ориентированная подготовка, связь с производством и переселенческими органами рассматривалась при этом как эффективная советская новация планового переселения.

На раннем советском этапе Н.А. Сборовский – автор нескольких самостоятельных работ, участник разработки перспективного плана колонизации Сибири⁶³. Делая краткий обзор «колоссальной по объему» литературы по вопросам колонизации исследователь отметил, что понятия колония и колонизация, как ни странно, - до сих пор не имеют общепринятого научно-точного и полного определения. Определения формулировались учеными так, что в них были зафиксированы только отдельные стороны колонизационных процессов, которые и были предметом их исследования в рамках этно-географического (Гюббе-Шлейден), историко-хозяйственного (Рошер), политико-экономического (Маркс – Ленин), хозяйственно-технического (Цёпфель), культурно-организационного (Шеффле, Леруа-Болье), политико-юридического (Фон – Штенгель) и др. подходов. Обобщая, он приходит к выводу, что колониями можно называть «социальные отпочкования на новой территории, существующих сформировавшихся государственных образований». На колонизируемом пространстве будущих колоний реализуются две силы: государство, задающее правовым регулированием характер и направление развития и миграционные массы⁶⁴. Сборовский, ссылаясь на сочинения К. Маркса, В. Ленина и Н. Ядринцева разводит понятия переселение и колонизация, при этом первое - связывает с вольнонародным движением

⁶² ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 137. Записка об организации Переселенческого отделения при землеустроительном факультете Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства.

⁶³ *Сборовский Н.А.* Колонизация и переселение (машинопись) // ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. 102 л.; Проект генерального плана колонизации Сибирского края // ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 172; *Сборовский Н.А.* Проект специального обложения земельной ренты в системе консолидации государственного и местного бюджета. Томск, 1920; *Сборовский Н.А.* Таежный Север. Нарымский край // К вопросу о колонизации Сибири. Новосибирск, [1926]. С. 100 – 123; *Сборовский Н.А.* Таежный Север // Жизнь Сибири. 1926. № 7 – 8 и др.

⁶⁴ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Колонизация и переселение. Л. 3.

ем масс (государственно-историческим фактом), а последующий этап «утилизации и регламентации» относит к колонизации – категории политико-экономической.

В главе «Факты переселения до революции» Н.А. Сборовский подробно проанализировал Столыпинский этап переселенческой политики государства, направленный на выселение крестьян из Европейской России и «империалистическое оживление» окраин. Как и положено марксисту, он критически относится к «казенным мероприятиям императорского правительства», административной неразберихе, неоправданной ведомственной секретности переселенческого дела, недостаточности средств, попыткам представить их стройность и грандиозность перед Государственной думой. Не отказывая государству в «руководящем и направляющем» значении в сфере переселенческого дела, Сборовский в качестве главной мотивации видел империалистические тенденции правительства, спровоцированные капиталистическими, индустриальными и торговыми интересами «командовавших классов». Одной из причин критики Столыпинского этапа переселенческой политики государства стала знакомая по дореволюционным колонизационным проектам социально-классовая оценка перспектив сельского населения. «Воспитание крестьянства Европейской России на единоличное землевладение», «развитие чувства собственности на пользуемую землю» было чревато развитием у крестьянства «буржуазной психики», а в перспективе – разрозненностью масс и снижением аграрно-революционного движения.

При этом непосредственные исполнители казенных мероприятий - «колонизаторы»: переселенческие чиновники, межевщики, агрономы и прочие точно не являлись, в колонизационной схеме Сборовского, представителями или служителями этих же эксплуататорских классов. Основные мероприятия Переселенческого управления, как и было прописано в законе об учреждении, были направлены на удовлетворение «крайне изменчивых запросов переселенческого движения». Пониженный железно-дорожный тариф, врачебно-продовольственные пункты, санитарный надзор, путевые ссуды, подготовка земель с предварительным обследованием колонизационных фондов, с производством мелиорационных сооружений (гидротехнических, «грунтовых дорог в тайгах»), с изучением туземцев и старожилов, отвод переселенцам земельных участков, ссуды на домообзаведение, церковно-школьное строительство, почтово-телеграфные конторы и многие другие мероприятия, выполненные в экстремальных условиях с минимальными затратами явно не вписывались ни в классовую, ни в империалистическую версию колонизации. Переселенческое дело, поэтому и признавалось прогрессивным, как направленное на буржуазную эволюцию (хотя и помещичьего типа) и среди прочих отраслей административно-государственного хозяйства характеризовалось как лучшее, как «золотая лебединая песня

буржуазно-помещичьей земельной политики старой эпохи»⁶⁵. Значение местной «колониционной команды» показано Сборовским не только в реализации замыслов центра, но и создании новых планов по увеличению колониционного фонда Сибири, «по разрешению колониционно-фондового кризиса». В этой части колониционные проекты местного переселенческого аппарата отличались и от публицистических, и от политических подходов, строго техническим и сугубо профессиональным содержанием (Шуман Н.К. Проект и смета расходов последовательной колонизации таежных пространств, 1912; Сборовский Н.А. План и смета программно-последовательных работ по мелиоративной подготовке колониционного фонда на 10-летие⁶⁶). Подготовка земельных колониционных фондов, проектирование паротранспортных подъездных путей к колониционным труднодоступным фондам, мелиорационные работы – эти мероприятия были направлены на «пробуждение земельного фонда Сибири».

Главные изменения в колониционной политике после революции, по мнению Сборовского, должны произойти в результате изменения ее классового содержания. Уничтожение пережитков крепостнического землепользования в результате революции: отмена выкупов, денежных аренд, исполных и отработочных платежей, кабальных отношений «старорежимной России» само по себе не решало проблемы аграрного перенаселения. Новые планы пишутся со ссылками на старые экспедиционные материалы и еще не решенные, но выдвинутые в довоенный период идеи колонизации труднодоступных регионов. Модернизация и рационализация аграрного сектора не противоречила, по сути, имперским замыслам втягивания Сибири в общероссийское экономическое пространство. В условиях нового строя экономические перспективы Сибири в составе советского государства прозвучали более откровенно: «Советская власть не делает окраины колониями, но окраины неизбежно будут выполнять, к обоюдной пользе, некоторые колониальные функции». Колониальные функции окраины, в том числе «специализация края по наиболее добычливой отрасли его хозяйства», оправдывались необходимым усилением хозяйственной мощи страны Советов и отсутствием у Сибири перспектив стать «отдельной вооруженной на все фронты государственно-хозяйственной особью». Сырьевое значение Сибири определялось «потребностью центра в усилении собственного сырьевого снабжения за счет вовлечения в хозяйственный оборот страны пустующих районов»; необходимостью «прокормления оскудевшего центра в течение того периода, когда Европейская часть Союза будет становиться на крепкие ноги посредством развития своей индустрии... и сельского хозяйства. В виде попутных задач предлагались интенсификация сельского

⁶⁵ Там же. Л. 29.

⁶⁶ Там же. Л. 43.

хозяйства Сибири, повышение доходности единицы площади, производство высокоценной продукции интенсивного хозяйства. Перспективы колонизации Сибири, как и перед войной, вновь связывались с повышением экономического потенциала края за счет расширения его колонизационной емкости, «сверхмагистрализации края»⁶⁷. Данный вариант Советской политики, названный «лицом к окраинам» противопоставлялся империалистическому отношению к колониям дореволюционной России. Советская «гармоничная политика» заселения окраин была направлена на решение двуединой задачи. На внутреннем пространстве ее целью было объединение рабоче-крестьянских интересов властью Советов, а за пределами государственной территории, особенно в Азии – на «советско-социалистическую ассимиляцию Союзу больших стран»⁶⁸.

Если обратиться к терминологии советских колонизационных текстов Н.А. Сборовского, то изменения очевидны, они обусловлены новой советской идеологией, вытеснившей прежние народнические настроения. Практически однозначно, из лексикона «советского колонизатора» исчезает основное понятие старорежимных колонизационных экспертов – народ, а обобщающими понятиями, сменяющими его, становятся «население», «рабочая сила», «миграционные массы»; единица учета населения «душа» заменяется «едоком».

По-прежнему многообразной и значимой виделась Сборовскому работа местного переселенческого аппарата. Исследовательские, опытно-наблюдательные, землеотводные, технико-строительные, административно-организационные отрасли переселенческой работы должны были создавать условия «оживления районов» и «приживаемости переселенцев»⁶⁹. Преимущественно экономические приоритеты власти, так называемая государственная рентабельность, стремление получить экономический эффект в кратчайший срок ограничивали социальные и просветительские проекты до необходимого минимума «хозяйственно-бытового и культурно-врачебного обслуживания засельщиков». Основная тяжесть финансирования этих проектов перекладывалась на само население. Традиционный аспект критики государства в недостаточном финансировании переселенческого дела фактически снимался новым принципом планового ведения хозяйства: «средства для колонизационных расходов со стороны государства должны извлекаться из земельно-рентного обложения». Финансирование переселения фактически должно было стать де-

⁶⁷ Шуман Н.К. Сверхмагистрализация Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 10 – 11. С. 110 - 113.

⁶⁸ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 212. Колонизация и переселение. Л. 56.

⁶⁹ Тезисы доклада «Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири» // Ф. 2668. Оп. 1. Д. 156. Материалы. Л. 47 – 49.

лом самих переселенцев и их, остающихся на местах выселения соседей. Механизмы реализации этого самофинансирования мог осуществлять земельно-устроительный банк, предложенный Н.К. Шуманом. Тяготы переселения разделялись между переселенцами и оставшимися членами товарищества, выплачивающими обязательные паевые взносы для оплаты «землеустройства и воспособления» переселенцев.

Уникальность работ Н.А. Сборовского в их переходном характере. Автору удалось не только воспринять и отразить опыт предшествующего довоенного и дореволюционного этапа российского переселенческого дела, научный потенциал мировой литературы по миграционным процессам, но и вполне естественно, наряду с ними освоить марксистко-ленинский (политико-экономический) взгляд на феномен российской колонизации как «подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны». Это положение на пересечении различных, по преимуществу, демократических традиций (народнической, областнической, марксистской) позволило Сборовскому оставаться востребованным в период разработки советского плана колонизации Сибири. Совсем недолгий период допустимости подобного плюрализма объясняет отсутствие работ Н.А. Сборовского в советской историографии, также впрочем, как и многих других, вышедших в 20 – 30-е гг.

Активизация переселенческой политики на рубеже XIX – XX вв. привела не только к мощным социально-экономическим изменениям в европейских внутренних и сибирских окраинных губерниях, но и к кардинальным институциональным и идеологическим последствиям. Создание новых учреждений (секция колонизации и переселения Московского межевого института, Государственный колонизационный научно-исследовательский институт, кафедра колонизации и переселения при землеустроительном факультете Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства) и, в большей степени, сохранение старых (Переселенческое управление), включая кадровый потенциал, инфраструктуру, механизмы финансирования, технологии миграционного дела позволяет говорить не только о преемственности позднеимперских и раннесоветских колонизационных проектов Азиатской России, но также корректировать представления о содержательных элементах условно официальных, имперских программ. Собственно имперскими замыслами колонизации можно считать цивилизационный, культурный, (возможно, этнографо-культурный, с этнической ассимиляцией в том числе), экономический проекты, направленные на политико-правовую, административную и сословную, экономическую интеграцию. Однако, в том числе, благодаря специфическим «колонизаторам» имперские программы получают сильную «прививку» социально-классовых, народнических проектов. Планы экспертов, их участие в реализации правительственной политики – это только составная часть много-

гранного колонизационного процесса. Однако не следует умалять возможности и этой категории колонизаторов, тем более задействованной на самых различных уровнях и ведомствах, слабо контролируемые и не имеющие в качестве альтернативы однозначной стройной концепции имперской колонизации. Переселенческое дело объединило чиновников и земства в районах выселения, а за Уралом различные общественные и научные организации, и даже лиц, с так называемым предосудительным формуляром - политических противников самодержавия. Многие ссыльные революционеры, народники были вовлечены в естественнонаучные, этнографические и экономические исследования, оказались востребованы администрацией как научные консультанты.

Бюрократическая, в данном случае, рациональная, спланированная работа государственного учреждения, направленная на решения важнейших государственных задач, усиленная общественной поддержкой, научным обеспечением приносила значительные плоды. Переселенческое дело стало полем не конкурентных битв за народ, а совместной чиновничьей, общественной, научной творческой деятельности. Становление переселенческого ведомства, построение административной вертикали и подчинение местных учреждений стало основой для выработки новых принципов, формальных и неформальных норм, среды и институтов, формирующих колонизационную политику империи и определяющих эффективность практик управления миграционными процессами. Переселенческое управление сыграло роль как координационного и, что еще более значимо, научного звена в колонизационных проектах империи. Изучение административно-правового пространства переселенческого дела, «научного осмысления» колонизируемой местности совместными усилиями переселенческих чиновников и научными, общественными экспертами России и Сибири, выявило новую сферу сотрудничества представителей власти и общества в деле освоения и интеграции территорий, формирования гражданской нации и общества.

Карьера Н.А. Сбровского, сочетающаяся с активной оппозиционной политической деятельностью, не являлась уникальной для переселенческого дела позднеимперского периода. Именно такой вариант взаимодействия власти и научных экспертов был характерен для азиатских окраин, что подтверждают как послужные списки, так и списки трудов ведущих колонизационных экспертов - Н.Я. Новомбергского, Н.П. Огановского, Л.К. Чермака, К. Качаровского, О.А. Шкапского и многих других. Колонизационные проекты советских экспертов приобретают более профессиональный, узкотехнический характер. Вместо широкого исторического контекста, глобальных компаративных моделей авторы предпочитают проекты - программы с четко просчитанными количественными параметрами.